

Интервью с Татьяной Владимировной ГАВРИЛЮК

«ВСЕ СВОИ КУРСОВЫЕ РАБОТЫ, ДИПЛОМ И ДИССЕРТАЦИЮ Я ПОСВЯТИЛА СУБКУЛЬТУРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ»

Гаврилюк Т. В. — окончила факультет социологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва, 2007 г.), кандидат социологических наук (2010), доцент Тюменского государственного нефтегазового университета по кафедре «Социологии» (с 2008 г.) и по кафедре «Общей и экономической социологии» (с 2014 г.)

Основные области исследования: социология культуры, социология молодежи, социология искусства, молодёжные субкультуры.

Интервью состоялось: декабрь 2014 г. — январь 2015 г.

Во второй половине 2014 года я начал изучать путь в науку представителей седьмого поколения советских / российских социологов, тех, кто родился в интервале между 1983 и 1994 годами; это — первая когорта исследователей, которые не имеют опыта работы в советский период жизни нашего общества. Более того, социализация лишь самых старших из них проходила в период перестройки, а тех, кто младше, уже в ельцинские и путинские годы России. В их ранней жизни было все не так, как в детстве и юности социологов предыдущих поколений.

Интервью с Татьяной Владимировной Гаврилюк началось 10 января 2015 года, но могло начаться на три месяца раньше, когда стартовала моя беседа с ее мамой — профессором социологии Тюменского государственного нефтегазового университета Верой Владимировной Гаврилюк, с которой я знаком многие года. Я уже тогда искал молодых социологов, но не последовал совету Веры Гаврилюк провести интервью с ее дочерью. Первая причина заключается в том, что в историко-наукоеведческом плане мне казалось необходимым сначала побеседовать с В. В. Гаврилюк и лишь потом с Татьяной. Вторая причина — иного плана; так получилось, что в тот момент я вел два интервью с социологами седьмого поколения, родители которых были социологами, и мне не хотелось повторять такую схему отбора собеседников. Почему же я позже все же воспользовался советом В. В. Гаврилюк и начал интервью с Татьяной?

Прежде всего потому, что первая причина была устранена; интервью с Гаврилюк-мамой было завершено. Кроме того, к концу 2014 года богатая коллекция биографических данных позволила подойти к изучению одной из линий процесса формирования нашего профессионального сообщества — появлению социологических династий, или преемственности профессии «социолог» внутри семьи. И в этом плане разговор с Татьяной мне уже стал представляться нужным, полезным для понимания механизмов динамики нашей профессии.

Беседа с Татьяной Гаврилюк оказалась важной для меня еще в одном отношении; а я получил возможность еще раз задуматься над темой, о которой я размышляю несколько лет и в рамках которой стараюсь рассматривать накапливающийся эмпирический материал. Речь идет о биографичности социологического творчества, более широко — поведения в профессии. Само представление о детерминированности того, что и как делает социолог некоторыми макро и микро обстоятельствами его внепрофессиональной жизни, становится для меня все более естественным, биографичность обнаруживается во многих интервью с социологами всех поколений. Но проблематичными остаются другие аспекты, и среди них — формы биографичности.

Каждый согласится с тем, что подготовка кандидатской диссертации — один из ключевых моментов в жизни любого исследователя. Это время самостоятельного вхождения в новую проблематику, активного освоения методологии и технологии научной работы, это период, когда нередко определяются его долгосрочные научные интересы, завязываются профессиональные контакты и прочее.

Закончив школу, Татьяна поступила на социологической факультет Тюменского государственного университета, предполагая потом работать в сфере рекламы и маркетинга. Понимание того, что такое социология, заинтересованность, желание заниматься наукой появились у нее после третьего курса, когда в 2005 году она перевелась в Москву и продолжила обучение в Российском государственном гуманитарном университете.

В силу ряда обстоятельств она еще в Тюмени заинтересовалась готической субкультурой, но окончательно включилась в неё в Москве. Все свободное время она проводила с друзьями из этой среды. Во многом под их влиянием стали оформляться ее художественные вкусы и литературные пристрастия. Готика того периода в своем элитарном проявлении была новой формой декадентства, абсолютно интеллектуальной, эстетской субкультурой, замешанной на положениях экзистенциализма, художественного авангарда, ницшеанства и других интересных вещах. По мнению Татьяны, протеста во всем этом не было, скорее эскапизм и упадничество в оболочке эстетического выражения. Постепенно в ходе обучения ей удалось найти свою область научного интереса — молодёжная культура. С первого года обучения в Москве все свои курсовые работы, затем диплом и, наконец, диссертацию она посвятила субкультурной проблематике. Она знала эту среду изнутри, поэтому этнографическими методами, включённо, исследовала её сущность, состав, динамику.

А теперь приведу небольшой фрагмент рассказа Татьяны Гаврилюк:

На тот момент ещё никто не знал о том, что из себя представляет эта «dark-культура», конгломерат субкультур, объединённый общей мрачной эстетикой. В обществе, как водится, начались моральные паники, активно муссировались

страшные истории вроде «готы съели эмо», «готы-сатанисты занимаются сексом на надгробиях» и прочая ересь. Даже на законодательном уровне испугались — пытались продвинуть законопроект о запрете субкультурной атрибутики в учебных заведениях. Помню забавные митинги неформалов с транспарантами... При этом дискурс был исключительно запретительного толка — всё, что выбивается из общего культурного плана, необходимо принудительно лечить. Такая фукоистская карательная психиатрия, знаете ли... И мало кто понимал, что подталкивало молодёжь в стабильном обществе уходить во весь этот мрак, в чём причина такого безысходного эскапистского протеста. А я хотела понять, что движет не только мной, но и теми, кто меня окружал. И я написала диссертацию.

В октябре 2010 года, вскоре после исполнения ей 25-ти лет Татьяна успешно защитила кандидатскую диссертацию, но в последующем ее научные интересы сместились в область теоретической социологии и социология культуры. В субкультурной тематике ей стало тесно. Вместе с тем, ее заинтересовал набирающий всё большую популярность в России феномен фолк-культуры, в котором она прежде всего видит глобально распространившийся симулякр (т.е. семиотический знак, за которым нет реального объекта), демонстрирующий антимодернистские, консервативные тенденции в культуре.

Ну что же? В моем понимании биографичность исследовательских интересов Татьяны очевидна, и мне думается, она еще долго будет разрабатывать социологические и антропологические аспекты современной культуры, не обходя своим вниманием и субкультурные образования. Так это будет или не так (и почему) через много лет скажет сама Татьяна Владимировна Гаврилюк. Я так далеко отстоящие от сегодняшнего дня события вряд-ли увижу...

Гаврилюк Т. В.: «Все свои курсовые работы, диплом и диссертацию я посвятила субкультурной проблематике»

Таня, Вы относитесь к седьмому (в моей типологии) поколению советских / российских социологов, это те, чьи годы рождения заключены в интервале – 1983–1994. Ваша мама – профессор социологии Вера Владимировна Гаврилюк, так что Вы – второе поколение социологов в семье. Оба эти обстоятельства вызывают мой интерес к Вам и, думаю, многих читателей. Поскольку Ваша мама рассказала историю Вашей семьи, то по этой теме не буду Вас «пытать», хотя, сложно сказать, может быть, она сама себя проявит. Мой первый вопрос: по Вашим воспоминаниям слово «социология» и его содержание Вы стали узнавать до школы или уже учась в школе?

Слово «социология» я узнала совершенно точно до школы, т.к. оно содержалось в первой фразе, которую я прочитала в своей жизни. Это мне, правда, мама рассказывала, сама я не помню. А вот со смыслом этого понятия сложнее. Я никогда не фиксировалась на содержании профессии моей мамы, для меня в раннем детстве было гораздо важнее, что она преподаватель и учёный, нежели сама специфика её труда. Кроме того, у нас в доме было множество книг по философии, психологии, менеджменту, и мне тогда казалось, наверное, что мама занимается всем этим одновременно. Надо признать, что я совершенно не помню, когда для меня прояснилась суть социологической науки. В детстве меня как нормального ребёнка другие вещи занимали. В школе, конечно, на общественности я блистала и совершенно не могла понять, как у других могут быть сложности с таким простым предметом.

Ваши школьные годы прошли в Тюмени? Когда Вы пошли в школу? Как учились, что нравилось больше? Мама ведь не только социолог, но по базовому образованию – физик. Каковы были Ваши интересы вне школы? Мне особенно интересно, что в те годы читали Вы, Ваши ровесники?

Да, школьные годы я провела в Тюмени. Пошла в школу в 6 лет, т.к. день рождения у меня в октябре. Училась я в младших классах на «отлично», а потом начала съезжать помаленьку, т.к. пошли точные дисциплины, и к аттестату у меня уже была примерно половина четвёрок – по всем естественным наукам, кроме биологии, которая долгое время была моим любимым предметом наряду с литературой. Вообще я в школьные годы была в поиске своего призвания, много думала на тему того, кем быть. Больше всего в тот период мне, конечно, не хотелось быть социологом и работать в университете. Ничего скучнее обыденной преподавательской жизни я себе и представить не могла... Даже не знаю, почему мне тогда так казалось, ведь на самом деле всё с точностью до наоборот. Хотелось найти что-то для себя, а не идти по проторенному родительскому пути, поэтому я искала, сомневалась, пробовала, начинала и бросала... в общем, как все подростки. Моими любимыми предметами были биология, литература и русский язык. В классе 7–8 я хотела быть ветеринаром, очень любила животных и совершенно серьёзно ударилась в изучение биологической науки, это были

самые красивые и красочные тетради — как мы это всё строение тела перерисовывали... Но потом, когда началась химия, я поняла, что планам моим не суждено сбыться, т.к. этот предмет, к сожалению, мне не давался совсем. И я переключилась на литературу.

Читать я всегда любила и с дошкольного возраста являлась постоянным клиентом местной детской библиотеки. Так что от занятий в школе я истинное удовольствие получала, и многие обращались ко мне за помощью по этим предметам. Я читала всю школьную программу, даже «Войну и мир» целиком осилила... В тот период хотела поступать на филфак, на журналистику, но потом передумала. Мне кажется, вкусы литературе у меня начали формироваться уже в тот период, хотя читать что-то дополнительно я просто не успевала. В школьной программе, насколько помню, мне более всего был близок мрачный Достоевский, его «Униженные и оскорблённые», «Котлован» Платонова произвёл впечатление именно с формальной точки зрения — язык, символика! Чистый реализм в искусстве меня не привлекал уже тогда. Ну и стихи Маяковского. Что касается ровесников — я уже родилась в нечитающем поколении. Школьную программу все постигали в кратком изложении, а это, я считаю, издевательство над произведением! Хотя помню один случай — была у меня в гостях компания друзей, и один мальчик увидел у моей мамы на полке Шопенгауэра и попросил дать почитать. Я это на всю жизнь запомнила! Ну что там школьник поймёт, в Шопенгауэре? Хотя главное, конечно, общая направленность поиска. Но этот мальчик был уникальным, остальных, как правило, мало интересовали подобные вещи. Когда я училась в старших классах, уже повсюду был интернет, сначала в кафе, потом дома по карточкам... Медленный, дорогой, но это занимало людей целиком, все эти аськи, чаты, форумы и прочее. Я тоже активно всем этим пользовалась, конечно, но находила время и на другие, не менее интересные вещи.

По поводу занятий вне школы... Много всего было. Танцами занималась, помню, правда недолго, в младших и средних классах была «актрисой» школьной самодеятельности, мне это всё очень нравилось. Лет с 14-ти начались музыкальные увлечения, как и у всех подростков — это был первый период моей неформальной юности, я тогда слушала русский рок, была фанаткой группы «Мумий тролль», буквально вся комната была обклеена постерами. В старших классах пыталась учиться игре на гитаре, безуспешно, слуха у меня не обнаружилось. Зато где-то лет в 16-ть я начала активно заниматься спортом и продолжаю до сих пор, добилась уже неплохих результатов, хотя, конечно, занимаюсь исключительно для себя, не на соревновательном уровне.

И что же случилось, почему все же возникло желание поступать на социологический факультет? Беседы с мамой, какие-либо книги, участие в полевых работах?

Честно? На тот момент просто я уже окончательно запуталась и не знала, чего хочу. Поступила туда, куда было проще всего — в апреле у меня уже были сертификаты по тестированию, я прошла без проблем на бюджет в Тюменский государственный университет. Мама на меня не давила, просто на тот момент я сама решила, что так будет лучше, думала, может быть, буду потом работать

в сфере рекламы и маркетинга. Понимание того, что такое социология, заинтересованность, желание заниматься именно наукой появились уже во время учёбы, особенно после того, как я перевелась в Москву.

Совсем даже не уникальный случай. Но, получается, что через два-три года у Вас появился интерес к социологии, более того, Вы решили отправиться в незнакомую Москву, иную городскую и культурную атмосферу. Что же и почему внутри Вас произошло?

Да, интерес появился очень скоро, ещё в период обучения в Тюмени. Одним из любимых предметов сразу для меня стала философия, к которой я и сегодня испытываю особый интерес, кажется, даже научилась читать и понимать настоящую философскую литературу. Когда ты только знакомишься с наукой, решающее значение играет преподаватель — способ подачи материала, умение пробудить мысль, научить рассуждать... В ТГУ у меня были отличные учителя — по философии, истории социологии, социологии религии. В течение первых трёх лет эти предметы были для меня самыми увлекательными, хотя для большинства моих сокурсников они были как раз сложными — ввиду требовательности тех самых лучших преподавателей. Меня сразу заинтересовала именно теоретическая социология, концептуальный уровень, так сказать. Прикладные аспекты и количественные методы я изучала, потому что было нужно, особенного трепета при этом не испытывая. Вот и сегодня так получилось, что я преподаю историю и современную теорию социологии, поэтому действительно ощущаю, что занимаюсь своим делом.

Потом случилось событие, которое я считаю ключевым в своей жизни — представился шанс продолжить обучение в Москве, в ведущем вузе страны — Российском государственном гуманитарном университете, причём с переводом сразу с третьего на четвёртый курс, не теряя года. Правда, пришлось сдавать порядка 10–12 предметов в течение полугода из-за разницы в учебных планах, но меня это нисколько не испугало, даже не возникло мысли, что такую возможность можно упустить — просто собрала чемодан и поехала. Мне было страшновато, конечно — всё-таки мамина дочка, отличница, но я понимала, да и мама моя тоже, что это поможет мне обрести самостоятельность и определиться с дальнейшей жизненной стратегией.

Сначала — о Москве? Не было неуютно? Как Вы входили в атмосферу, ритм жизни столицы?

О, неуютно, — это не то слово!! У меня были проблемы с жильём, потому что общежитие мне дали далеко не сразу. Когда я приехала, то сняла койкоместо в комнате с ещё одной девушкой. В этой же квартире жили и хозяева, которые, как водится, не работали и любили приложиться к рюмке. Причём с моей соседкой они жили уже давно, в конечном итоге они меня начали изводить так, что я буквально боялась туда возвращаться. Пришлось съехать, искать другое жильё. Там оказалось ещё хуже, поселили буквально с запойными алкоголиками, я поняла это на второй день и тут же убежала оттуда. В конце концов, меня приютили мамы знакомые, и я пару недель жила у них, а потом мне дали

общежитие. Я человек домашний, люблю комфорт, и те условия были для меня адом, конечно... Мои соседки практически не спали — ложились часа в два ночи, вставали в семь.

Но жизнь в Москве стоила того, чтобы терпеть! Ритм жизни мне давался достаточно легко в виду молодости — я успевала всё, и учиться на отлично, и развлекаться на всю катушку. Театры, музеи и особенно вечеринки московские не давали заскучать. Уставала, конечно, несколько подорвала здоровье, но разве в 20 лет об этом задумываешься? Помню, что очень тосковала по дому, по маме, по друзьям — просто непрерывно... Мама всё время летала ко мне, я к ней ездила — в плацкартном вагоне. Иначе я бы просто не справилась, поддержки там ждать не от кого было. Тем не менее, мне удалось завести в Москве друзей, с которыми мы общаемся до сих пор, очень люблю и ценю этих людей. Вообще в Москве меня сразу привлекла именно возможность знакомства и общения с интересными, яркими людьми — и во время учёбы, и вне её. Провинциальная монотонность ушла в прошлое, в моей жизни за эти 2,5 года произошло столько событий! Я считаю, что становление моей личности в подлинном смысле началось именно с переезда в Москву, и, несмотря на то, что я всё-таки приняла решение вернуться, я вернулась другим человеком, мой стиль жизни и способ мышления изменились навсегда.

В каком году Вы перевелись в РГГУ? Какие яркие события тогда протекали в стране? Студенты, особенно будущие обществоведы, часто остро реагируют на происходящее вокруг них, обсуждают все на своих тусовках. В Ваши студенческие годы подобное было?

Я переехала в Москву в 2005 году. Время интересное, эта пресловутая «путинская стабильность», когда и мы, наконец, узнали, что такое «общество потребления»... Мне, правда, было на тот момент не до участия в дискуссиях о судьбах страны, начался переломный этап в жизни. До 19-ти лет я была оранжевым цветком, от всего меня ограждали, защищали... А потом вдруг начались одно за одним экзистенциальные события — первое расставание, первая смерть, переезд, страх, одиночество и прочие не очень приятные вещи. Середина 2000-х — время субкультурного бума, когда все новые веяния и течения в западной молодёжной культуре очень быстро появлялись и у нас. Ещё до отъезда я стала интересоваться готической субкультурой, но окончательно включилась в неё именно в Москве. Все свободное время я проводила с друзьями, так или иначе связанными с этой средой. Люди в тусовке были очень разные. Встречалась и общалась с арт-богемой, маргинального, конечно, толка... Во многом под их влиянием, а также как результат собственного поиска стали оформляться мои художественные вкусы, возник интерес к особому рода литературе, арту. Ведь готика того периода в своём элитарном, так скажем, проявлении была новой формой декадентства, абсолютно интеллектуальной, эстетской субкультурой, замешанной на положениях экзистенциализма, художественного авангарда, ницшеанства и других интересных вещах. Вот с такими людьми я и вела беседы, в основном, конечно, нонконформистского толка. Протеста не было, скорее эскапизм и упадничество в оболочке эстетического выражения. Помню, даже вечера устраивали литературные, читали стихи, устраивали дискуссии... Были, конечно, там и другие люди, в том числе абсолютно безбашенные фрики, обще-

ние с ними тоже давало пищу для размышления. Неудивительно, что у меня почти не было друзей среди сокурсников, хотя конфликтов у меня ни с кем не было, были приятели, но сблизиться ни с кем не получалось, да и не хотелось. Слишком уж я отличалась, внешняя атрибутика людей несколько шокировала. Тем не менее, учёба мне давалась достаточно легко, мне нравилось. Правда, специализацию я выбрала немного не ту — «социология маркетинга». Всё ещё надеялась, что буду работать для денег, а поэтические и философские изыски останутся для души... Тем не менее, я всё же нашла ту нишу, которая стала мне интересна — это молодёжная культура. С первого года обучения в Москве все свои курсовые работы, затем диплом и, наконец, диссертацию я посвятила субкультурной проблематике. Я знала эту среду изнутри, поэтому этнографическими методами, включённо, я исследовала её сущность, состав, динамику... На тот момент ещё никто не знал о том, что из себя представляет эта «dark-культура», конгломерат субкультур, объединённый общей мрачной эстетикой. В обществе, как водится, начались моральные паники, активно муссировались страшные истории вроде «готы съели эмо», «готы-сатанисты занимаются сексом на надгробиях» и прочая ересь. Даже на законодательном уровне испугались — пытались продвинуть законопроект о запрете субкультурной атрибутики в учебных заведениях. Помню забавные митинги неформалов с транспарантами... При этом дискурс был исключительно запретительного толка — всё, что выбивается из общего культурного плана, необходимо принудительно лечить. Такая фукоистская карательная психиатрия, знаете ли... И мало кто понимал, что подталкивало молодёжь в стабильном обществе уходить во весь этот мрак, в чём причина такого безысходного эскапистского протеста. А я хотела понять, что движет не только мной, но и теми, кто меня окружал. И я написала диссертацию.

Я знаю крайне мало о готской субкультуре, она возникла в России после моего отъезда. Пик этого движения уже преодолен или оно набирает силу? Как называлось Ваше диссертационное исследование? Что удалось показать?

Пик был как раз во второй половине 2000-х, когда я и писала свою работу. В 2010-е годы мода на готику в России прошла, эстетика окончательно инкорпорировалась в массовую культуру, а её новыми адептами становились те, кого интересовали, как мы тогда говорили, «музыка и шмотки». Пропала духовная составляющая, искусство, осталась лишь чистая визуализация, поверхностный пласт, маркетинговые стратегии продвижения субкультурной атрибутики и мероприятий задавили окончательно творческое начало. Поэтому людям действительно неординарным стало тесно в рамках этого движения, все пустились в свободное плавание, а с готикой произошли странные мутации. В общем-то, на Западе dark-культура давно уже стала взрослым движением, точнее даже досуговой практикой, на фестивали приедешь — кругом как минимум тридцатилетние. У нас сегодня сохранился костяк движения, но идентичность, в основном, фрагментарная — «взрослые люди собираются на тусовку», плюс, конечно, сохраняются определённое мировоззрение и интересы. Молодёжь сейчас такие вещи мало привлекают, вот и шутим на тему того, что хипстер с кедами за 500 долларов — лицо эпохи. Протестный потенциал в культурной сфере очень низок, даже если имеется в виду эскапистский протест...

Диссертация моя называлась «Молодёжные субкультуры: основания типологизации» и была связана с использованием метода типологического анализа в исследовании сложноорганизованных молодёжных сообществ. Ведь и в массовом сознании, и в научном сообществе, и в органах управления по-прежнему господствует мнение о том, что у представителей той или иной субкультуры больше общего, чем различий. Мне же удалось показать, что субкультурные объединения негомогенны, что происходит существенная трансформация идентичности включённых в такие сообщества молодых людей, меняется само содержание исследуемого феномена. Была разработана многоступенчатая теоретическая типология молодёжных субкультур в России и осуществлена эмпирическая типологизация представителей «dark-культуры» как одного из наиболее популярных на тот период движений.

Моим научным руководителем была Галина Галеевна Татарова – человек огромной харизмы, которого хочется слушать, не отрываясь!.. Мы с Галиной Галеевной в чём-то и по характеру похожи, темпераментные, прямолинейные, во многом бескомпромиссные... Так что иногда сталкивались наши индивидуальности, но всё это было в самом начале, когда её несколько смушил мой готический наряд, да и вся эта тематика. Но затем, когда у меня начало что-то получаться, работа пошла быстро. Галина Галеевна – прекрасный руководитель! Меня восхищает её ум, логика, стремление вникать в мельчайшие детали. Я считаю её своим главным учителем и очень надеюсь, что мы будем работать и далее вместе. А на тот момент главная задача была – использовать все возможности типологического анализа для исследования моей проблемы.

На теоретическом этапе необходимо было, во-первых, уточнить базовые понятия, используемые в исследовании (обнаружилось, что термины «молодёжная субкультура», «молодёжное движение», «неформальное молодёжное объединение» и «молодёжная организация» употребляют в различных значениях и часто путают); во-вторых, нужно было систематизировать тот имеющийся объём типологий молодёжных субкультур, подвергнув их конструктивной критике и выделив важнейшие основания. На финальной стадии я создала собственную априорную типологию. После того, как чётко был определён предмет, была создана двумерная типология на основании двух признаков – целевые установки и гендерная ориентированность представителей субкультур.

Эмпирическая глава была посвящена поиску «типологических синдромов» внутри готического движения. Начала я, однако, с анализа сущности и структуры объекта исследования – «dark-культуры», а точнее пяти основных субкультур, её составляющих (готика, индастриал, фрик-культура, субкультура тёмных стилей металла и J-рок). Интересовал, конечно, и социальный контекст её существования, российская специфика – для этого был проведён массовый опрос молодёжи об отношении к субкультурам в целом и к готике как наиболее узнаваемому типу в рамках «dark-культуры». Было опрошено свыше двух тысяч респондентов – студенты вузов из разных городов. Но главной целью, конечно, была эмпирическая типологизация готического движения. Это исследование носило поисковый характер, т.к. мало что было известно о численности и социально-демографической структуре сообщества – то есть примерно, по наблюдению, я представление имела, но оснований для жёсткого расчёта выборки не было. Поэтому мы выбрали метод онлайн-опроса. Удалось собрать 129 анкет

молодых людей и девушек, идентифицирующих себя с этим сообществом. Типообразующими признаками я определила ценностные установки и эстетические ориентации. В итоге на основании соотнесения двух классификаций была наглядно проиллюстрирована дифференциация сообщества – выявлены шесть групп респондентов, соответствующих базовым типологическим синдромам. Помимо указанного основания типологии, была также рассмотрена специфика нравственных, религиозных, политических установок представителей выделенных типов, творческий потенциал, особенности субкультурной идентичности и формы проявления девиантного поведения. Подобную модель анализа можно применить в исследовании любых негетерогенных сообществ – она будет работать, и она может помочь в практике управления, при разработке стратегии молодёжной политики. Ознакомившись с результатами исследования, можно понять, в каком направлении организовывать работу с представителями субкультур, какие методы использовать в процессе социального контроля, воздействия на представителей той или части субкультурной молодёжи, какие группы лучше оставить в покое, а каким – помочь в реализации творческих инициатив. На сегодняшний день, например, власти всё ещё считают, что рэп – это круто, зовут их на различные официальные мероприятия, ещё пошла мода на фолк, что тоже объяснимо современной социально-политической ситуацией. Остальные же субкультурные стили по-прежнему отвергаются в силу сложившихся стереотипов, хотя влияние большинства из них на современную культуру сложно недооценить.

Защита моя прошла на удивление успешно! Дело в том, что в процессе учёбы в аспирантуре я всё же ощущала некоторое «особое» отношение к себе в силу нетрадиционности тематики исследования, да и моего стиля жизни в целом. Но на предзащиту и защиту, конечно, хватило ума переодеться... Отказ от готической атрибутики в повседневной жизни дался мне нелегко, и процесс был довольно длительный. На защите я была одна, проходила она достаточно долго, было очень много вопросов, тема вызвала очень живой интерес со стороны Совета. Тем не менее, я чувствовала себя уверенно, ощущала поддержку – всё-таки, родной вуз, родные стены... Да и мне было не стыдно за проделанную работу. Так что мы с Галиной Галеевной остались довольны тем, как всё прошло. Кроме того, я вышла на защиту на год раньше срока, что давало мне ещё один козырь. Это было в октябре 2010 года, почти сразу после моего 25-летия.

Таня, какие у Вас планы? Нет ли желания, возможности подучиться или пройти стажировку в Европе или США? Какие предметные, методологические области социологии Вас интересуют сейчас?

Начну с ответа на последний вопрос. Сфера моих научных интересов существенно изменилась и расширилась за то время, что прошло после защиты, сейчас меня в большей степени занимают теоретическое социологическое знание и социология культуры. В субкультурной тематике уже давно стало тесно, хочется заниматься исследованием более широких областей культуры. Хотя не могу сказать, что совсем утратила интерес к этой сфере. Недавно, например, написала статью о глобализации и глокализации молодёжных сообществ, также меня заинтересовал набирающий всё большую популярность в России феномен фолк-культуры. На мой взгляд, засилье фолка сегодня весьма симптоматично, ведь это не народная культура как таковая и даже не её часть, а лишь глобально

распространившийся симулякр, демонстрирующий антимодернистские, консервативные тенденции в культуре. И риски включения молодёжи в подобные сообщества тоже очевидны, опять же спасибо методу включённого наблюдения — националистическая пропаганда идёт там рука об руку с «патриотизмом» и «аутентичными культурными практиками». В общем, есть, что поисследовать, думаю продолжить копать в этом направлении.

Но всё же в большей степени я увлечена на сегодняшний день несколько иной проблематикой. Одна из важнейших составляющих моей жизни — это искусство, и в последнее время мне не даёт покоя вопрос — как подобрать нужную оптику, чтоб рассмотреть этот сложный предмет социологически и, в то же время, не удариться в редукционизм, которого в отечественной социологии культуры и так было предостаточно. На мой взгляд, эта сфера должна быть только междисциплинарной, исследуя художественную жизнь современного общества невозможно базироваться на позитивистской или структурно-функциональной методологии. Анкета с вопросами типа «Как часто вы ходите в театр?» не даст сегодня ровным счётом ничего! Ограничивать предметную область социологии искусства функционированием соответствующих институтов, на мой взгляд, непродуктивно. Я пока на стадии накопления материала, читаю много, пытаюсь свести воедино и переосмыслить идеи многих авторов, которые меня вдохновляют. Приоритеты сегодня — это постмодернизм и все разновидности конструкционизма — от его предтечи в виде классической феноменологической социологии до модной акторно-сетевой теории. Также стремлюсь постоянно расширять свои познания в области интересующего предмета — смотрю лекции ведущих искусствоведов в Интернете, читаю специальную литературу, посещаю театры и выставки — конечно, когда бываю в других городах или за границей, в Тюмени моим пристрастиям мало что соответствует.

Я уже достаточно давно читаю курсы истории социологии, современные социологические теории и социологию культуры, и стараюсь сделать их нескучными, постоянно перерабатываю задания для студентов и лекционный материал, открывая новые возможности как для них, так и для себя. Сегодня, как говорится, чтобы стоять на месте, надо очень быстро бежать... С этого года у меня ещё три новых курса, которые я читаю с огромным удовольствием — постмодернистские социальные теории, качественные методы в социологии и социология искусства. Так что можно сказать — в профессиональном отношении я счастливый человек! Занимаюсь тем, что нравится! Значительный интерес для меня представляет качественная методология, которую я и собираюсь применять в работе над докторской диссертацией. Больше всего меня интересуют возможности работы с текстами. Совместно с коллегой сейчас пишем статью об интеграции количественных и качественных методов.

По поводу заграничных стажировок — да, планы есть. Я уже стажировалась в Германии, в прошлом году выступала с докладом на Всемирном социологическом конгрессе в г.Йокогама, Япония. Впервые посетила столько значительное мероприятие, теперь знаю, к чему стоит стремиться! Сейчас подтягиваю язык, для того, чтобы иметь возможность и в дальнейшем претендовать на зарубежные стажировки.